

Висенте Бласко-Ибаньес

Розаура Салседо

Висенте Бласко-Ибаньес

Розаура Салседо

«Public Domain»

1926

Бласко-Ибаньес В.

Розаура Салседо / В. Бласко-Ибаньес — «Public Domain», 1926

«...Оба они вызвали в своей памяти, как и где они впервые встретились. Случилось это за обедом в доме сеньора Бустаменто, – испанского сенатора, который из-за своего личного тщеславия поддерживал отношения с южно-американскими странами. Перейдя в салон после обеда, гости говорили о тех личностях в литературе и истории, которые им были наиболее по душе. Каждый заявлял, каким из героев он желал бы быть...»

Содержание

I. Кабальеро Тангейзер	5
II. Вдова «Короля степей»	10
III. Великий Вавилонский плен	16
IV. Папский замок	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Висенте Бласко-Ибаньес

Розаура Салседо

I. Кабальеро Тангейзер

Минуту она колебалась, вспоминая прошлое. Но тотчас же поспешила сказать с улыбкой, словно ее радовали собственные слова:

– Я узнаю вас. Вы – кабальеро Тангейзер, тот, который был в любовной связи с Венерой.

Случилось это в «Селест-Отеле» в Авиньоне в восемь часов вечера. Клаудио Борха, издали во время обеда наблюдавший за нею, встал из-за стола, видя, что она приближается к нему, и спросил ее по-испански:

– Вы сеньора де-Пинеда? Я имел честь быть представленным вам в Мадриде. Быть может, вы этого не помните.

Но нет, она не забыла. Она засмеялась и в течение нескольких секунд как бы просила у него глазами извинения за свое невольное веселье.

Оба они вызвали в своей памяти, как и где они впервые встретились. Случилось это за обедом в доме сеньора Бустаменто, – испанского сенатора, который из-за своего личного тщеславия поддерживал отношения с южно-американскими странами. Перейдя в салон после обеда, гости говорили о тех личностях в литературе и истории, которые им были наиболее по душе. Каждый заявлял, каким из героев он желал бы быть.

Эстела, дочь хозяина, молодая девушка, робким голосом жалела о том, что ей не выпало на долю быть Офелией Шекспира; ее отец, торжественный дон Аристидес, колебался между Ликургом и кардиналом Хименес де-Сиснерос; старый генерал выбрал Юлия Цезаря.

Все желали узнать, кем хотела бы быть Розаура Салседо, вдова Пинеда, богатая аргентинская дама, в честь которой Бустаменто давал банкет. Но эта сеньора, бывшая в Мадриде проездом, жившая большую часть года в Париже, или путешествовавшая по всей Европе, скромно отказалась объявить свою героиню. У нее нет такой. Она довольна своей судьбой. И почти все присутствовавшие сеньоры, отягченные неисполнившимися желаниями и завистью, озлобленные на судьбу, смотрели на Розауру пристально, и в их улыбках было что-то, похожее на цвет желчи. Они с горечью одобряли ее. Чего еще могла она желать? Чего только не дала ей жизнь? Богатство у нее было громадное: богатство американское – миллионы и миллионы. К тому же она была свободна, могла делать все, что вздумается, и красота ее, словно бесконечная весна, непрерывно обновлялась, благодаря роскоши и дорого стоящей гигиене.

После нее настала очередь Клаудио Борха, которого сеньор Бустаменто причислял как бы к своей семье, потому что он был молод и одинок. Многие считали этого юношу, не имевшего определенных занятий, но владевшего значительным состоянием, будущим мужем Эстелы Бустаменто.

Клаудио Борха, точно бросая вызов почтенному обществу, энергично заявил: ему очень обидно, что он не кабальеро Тангейзер.

Некоторые, желая похвастать своею начитанностью, поспешили признать такое желание очень понятным. Тангейзер был странствующий поэт, певец – кабальеро, а Борха пишет стихи.

– Нет, – ответил юноша, – если я завидую Тангейзеру, то потому лишь, что он имел любовную связь с Венерой.

Наступило изумленное молчание, полное недоумения. Кончилось тем, что все рассмеялись, признавая, что Борха, как все пишущие для публики, часто «чудит».

– Понятно, я не забыла вас, – продолжала красивая аргентинка, вместе с Клаудио направляясь в салон. – Человек, который дает такой ответ, уже нечто. В тот вечер мы не могли пого-

ворить друг с другом. Сеньор Бустаменто так дружески овладевает своими гостями. Несколько дней спустя я уехала из Мадрида. Быть может, даже на следующий день. Наверное, не помню. Для меня прошлое очень мало значит. Я думаю только о завтрашнем дне. Но, верьте мне, я много раз вспоминала вас. Когда я слушаю музыку Вагнера, в памяти моей всегда встает лицо юноши, которого я видела всего раз в жизни, и я задаю себе вопрос: «Что вышло из мадридского Тангейзера? Вступил ли он в брак с Офелией, утомившись ждать Венеры?»

И красивая дама опять засмеялась, взглянув на идущего рядом с нею молодого человека. А его разбирала досада на ироническую любезность сеньоры де-Пинедо. В то же время сознание, что он около двух лет жил в ее памяти, льстило его самолюбию.

Когда они вошли в «холл», их окружила атмосфера, вибрирующая музыкой и насыщенная табачным дымом, с легким ароматом опия. Кресла и диваны были заняты людьми, родной язык которых был английский: ежедневная волна путешественников, останавливающихся на двадцать четыре часа в Авиньоне, осматривающих замок пап, фонтан в Воклюзе, воспетый Петраркой, и продолжающих свой путь на Прованс, к Лазурному берегу.

Розаура остановилась перед двумя квадратными рамочками, висевшими у входа в салон в уровень со взглядами проходящих. В одной из этих рамок был маленький ключ; в другой – листок желтоватой бумаги, исписанный красными чернилами. Борха объяснил вдове историю обоих предметов.

Это здание было дворцом XVII века. Прежние конюшни были превращены теперь в «гаражи». Революция, присоединившая к Франции в 1792 г. древний город пап, превратила дворец в отель. В этом виде он существовал более столетия. Ключ, хранившийся в одной из маленьких рамок, был ключом от комнаты в верхнем этаже, в которой жил некий артиллерийский капитан, по имени Бонапарте, которому покровительствовал всемогущий Робеспьер.

– Должно быть, он там жил до осады Тулона, когда метался и не знал, как начать свою карьеру. Быть может, он здесь сочинил единственную свою книгу: «Ужин в Бокеро» – нечто вроде политического романа. Бокеро очень близко от Авиньона.

А письмо во второй рамочке было написано маршалом наполеоновского двора хозяину отеля. Император часто вспоминал рагу из дичи, которое он едал в молодости, живя в Авиньоне, и знатное дворцовое лицо просило рецепт этого рагу, чтобы повар в Тюильри мог им воспользоваться.

Розаура посмотрела, сдвинув брови, на пожелтевший листок и сказала серьезно:

– Наверное, блюдо это не понравилось Наполеону в Париже. Никто не умеет так вкусно готовить кушанья, как молодость и бедность.

Маленький оркестр сопровождал разговоры приезжих, неутомимых путешественников, привыкших проводить вечера в «холле» отеля, в каких бы земных широтах они ни находились, не чувствуя желания выйти на улицу. День был создан для осмотра музеев и интересных памятников; вечер – для обеда, в «смокинге», или бальном платье, под легкую музыку. Курили, перелистывали журналы, или разговаривали с людьми, с которыми познакомились в подобном же отеле, на другом конце планеты.

Аргентинка и испанский юноша заняли два кожаных кресла, – низких и глубоких. Наступило время каждому рассказать, в свою очередь, почему он находится здесь.

Она недавно лишь приехала в своем автомобиле. Не может припомнить, сколько ночей уже провела в этом отеле. Это было неизбежное место отдыха в ее путешествиях из Парижа на Лазурный берег, где она имела роскошную «виллу», с тенистыми садами, у самого моря.

– Все меня здесь знают. Я – клиентка, приезжающая сюда много раз в году. Проведу здесь ночь я уезжаю на следующий день, так поспешно, так рассеянно, что даже не замечаю этих рамок, о которых вы только-что рассказывали мне. И в этот раз будет то же самое. Я уеду завтра, как все эти англичане, или североамериканцы, которые одну ночь спят в Авиньоне,

а на следующий день летят дальше. Завтра вечером, буду у себя дома и увижу море сквозь апельсиновые и пальмовые деревья. А вы что тут делаете?

Борха, пробывший две недели в отеле, немного поколебался прежде чем ответить, и его лицо с тонкими чертами, смуглое и бледное, слегка покраснело. Наконец, он пробормотал, точно боясь, что повторится этот женский смех, – ласкающий, музыкальный, но несколько иронический:

– Я приехал из Мадрида для занятий, готовлю к выпуску книгу... Меня уже много лет интересует история одного моего соотечественника – авиньонского папы – дон Педро де-Луна. Но вам, сеньора, такого рода вещи не могут быть интересны. Это такая старина!

Она взглянула на него так же, как когда рассматривала письмо маршала наполеоновского двора. Голос ее звучал спокойно и серьезно:

– Меня интересует все, что говорит о труде, и выдержке; меня интересует всякая личность, имеющая идеал и умеющая добиваться своего.

Оба замолчали. Случайно в то же время замолкли все разговоры, и в атмосфере душистого табака вибрировала, подчеркнутая внезапным молчанием, томная мелодия двух скрипок, виолончели и рояля, заливавшихся любовным романсом. Клаудио казалось, что он видит самого себя в совершенно новом свете. После двухнедельного одиночества присутствие этой женщины, о которой он не раз вспоминал, как о существе, принадлежавшем к высшему и таинственному миру, словно наделяло его новой способностью оценивать самого себя. Он был не более как мечтатель, предрасположенный заниматься всякими нелепыми вещами, лишь бы они были интересны. Он считал себя от рождения слабовольным и, несомненно, вследствие этого хотел написать историю дон Педро де-Луна, обладавшего самой упорной волей в свое время и, быть может, даже во все времена мира. Он жил среди призраков и не раз жалел, что он уже не ребенок, и не может слышать изумительные рассказы, которые скрашивали первые годы его существования. Он, как и большая часть людей, не знал спокойной и безмятежной атмосферы семьи, не знал покровительственной улыбки родителей.

О своем отце он слышал от дон Аристида Бустаменто. Это был инженер, родившийся в маленьком городке древнего королевства Валенсии, левантинец, скупой на слова, но, казалось, вознаграждавший свой недостаток словесного изобилия упорной и всесторонней деятельностью для насаждения иностранных изобретений в своей стране. Часть своей жизни он провел в путешествиях по Европе и Америке. Он ввел промышленность, создал маленькую железную дорогу, но появление автомобиля заставило его забыть о прежних его предприятиях. Во всем он искал упоения творчеством больше, чем денежной прибыли. Тем не менее, после смерти инженера, другу его Бустаменто, выдающемуся адвокату, удалось распутать его дела, продавая, заключая мировые сделки и т. д. до тех пор, пока сироте в конце концов осталось состояние более, чем в миллион пезет.

Инженер Борха в один из своих наездов в Париж увлекся сеньоритой, с которой был знаком перед тем еще в Гибралтаре, Эстреллой Толедо. Она происходила из старинной еврейской семьи и выказывала интерес ко всему испанскому. Занятый торговлей и предприятиями, инженер влюбился в сеньориту Толедо. И она, воспитанная в Гибралтаре на английский лад и затем получившая лоск в Париже, как и он, не придавала значения различию рас и вероисповеданий.

Борха женился на Эстрелле Толедо, предварительно посоветовавшись со своим двоюродным братом с материнской стороны, – доном Валтазаром Фигуэрос, ученым каноником валенсийского собора. Каноник дал согласие на этот брак. В своих исследованиях XIV и XV веков каноник встречал немало испанских евреек, бывших замужем за знатными людьми. Притом у сеньориты Эстреллы было свое имущество и богатая родня, чем тоже нельзя было пренебрегать.

Жена Борха, кроткая и нежная, вскоре после рождения Клаудио ушла из жизни. Инженер не знал, что делать со своим единственным сыном. Он оставил его в Валенсии, где умерла мать

ребенка, но когда мальчику минуло 6 лет, инженер взял его с собой в Париж. Тут Клаудио жил близ Булонского леса в маленьком отеле в Пасси, окруженном небольшим садом, которым он восхищался, так как в нем стояла белая статуя, вся покрытая мхом, и росло с полдюжины деревьев со стволами, тоже поросшими зеленью.

В этом отеле жил брат матери Клаудио, Соломон Толедо. Родственники его, богатые коммерсанты, смотрели с некоторым презрением и страхом на Соломона Толедо, довольного тем, что он небогат, и говорившего с ними свысока, несмотря на их миллионы. Все его комнаты были полны водопадами книг, вываливавшихся из шкафов, лежавших на столах и стульях. Старая Сефора, которая все горевала, вспоминая о танжерском солнце в холодном Париже, была экономкой дяди Соломона.

Старуха Сефора все еще жила в памяти Клаудио. Привыкшая к упорному молчанию своего ученого хозяина, она, наконец, узнала сладость болтовни, проводя целые часы с маленьким Клаудио. Она рассказывала мальчику все, что могла узнать относительно прошлого «избранного» народа и говорила еще больше о его будущем.

В молодости Сефора служила у почтенного раввина, большого знатока талмуда. Она рассказывала ребенку множество изумительных повествований из талмуда, и для него книга эта была столь же интересна, как рассказы из «Тысячи и одной ночи».

Борха признавал влияние Сефоры в его внутреннем созидании. Быть может, он также и матери был обязан своим предрасположением ко всему необычайному и чудесному. Инженер желал, чтобы сын вернулся в Испанию и получил образование на родине. Осиротев, Клаудио переехал из Валенсии в Мадрид и жил у своего опекуна Бустаменто. Так как он не чувствовал предпочтения к какой-либо карьере и писал стихи, опекун послал его в университет, чтобы он сделался адвокатом. В Испании всякий, кто не знает, какую ему избрать карьеру и выказывает склонность к литературе, должен делаться адвокатом. Никто не может объяснить, почему, но это так.

Кончив в 20 лет университетский курс, юноша поступил помощником к сеньору Бустаменто, но никогда не занимался практикой и вскоре забыл всякую юриспруденцию и жил, весь отдаваясь чтению, искал дружбы с профессиональными писателями, единственно занятый лишь книгой и театром. В некоторых собраниях в кафе, где громко кричали о литературе и политике, смотрели на него, как на «симпатичного молодого человека», очень талантливого и независимого. Его стихи не смущали других поэтов и не могли возбуждать зависти. К тому же он был богат и в минуты крайнего безденежья мог быть полезным. В доме Бустаменто друзья сенатора смотрели на него, как на будущего мужа Эстелиты. Некоторые матери семейств обращались с ним с предусмотрительной любезностью на случай, если бы он выказал предпочтение какой-нибудь из их дочерей. Все сеньориты этого маленького мира считали его очень интересным и изящным.

Он был бледен, с белокурыми волосами. Физическое наследство дало этому смуглому типу левантинца некоторую восточную грацию, болезненную и утонченную, отблеск, быть может, его внутренней жизни, плодovitой на вымыслы.

Борха не говорил никому о той непрерывной игре фантазии, которая украшала его внутреннее существование. Никто уже не рассказывал ему сказок, как в детстве; но теперь он рассказывал их сам себе, фабрикуя все новые силой неутомимого воображения. Все окружавшее казалось ему посредственным и недостойным его; чтобы освободиться от этой скудной действительности, он летал по лживым и обольстительным небесам, которые человечество творило, желая придать красоту жизни.

Он мысленно влюбился в Венеру – самое высшее и совершенное воплощение красоты. Но Венера, которую боготворил Борха, не была Венерой классических художников, вышедшей обнаженной из пены морской, или восседавшей на белых и крепких, как мрамор, облаках под непрерывным дождем цветов. Это была Венера, которую знал поэт Тангейзер –

Венера, жившая в средние века в гротах с розоватым светом, или на диких горах вроде «Венусберга», обольщавшая мужчин соблазном бессмертной своей плоти, отдававшаяся сладострастию и греху под колокольный звон, степенное пение процессий и армий паломников, которые шли в Рим, чтобы вымолить себе прощение грехов.

Эта средневековая Венера была двойная. Вторая личность – воплотилась в ее красоте. Раввины знали о существовании страшной женщины, жизнь которой будет продолжаться, пока будет продолжаться мир. Эта женщина – Лилит. Адам знал ее после грехопадения, и тысячелетняя, бессмертная Лилит была одной из любимейших супругов Соломона.

Драматическая поэма Вагнера – краткое изложение разных северных легенд – казалась Борха душой Средних веков, переданных в звуках. Здесь ничто не было пропущено: и трубадуры, алчущие красоты, без которой не стоит жить; и толпы паломников, стекавшихся отовсюду в Рим; и Тангейзер, вечно всем недовольный, вздыхающий о том, чего не имеет, и забывающий то, что достигнуто, чтобы опять добиваться того, что бросил; Венера – искушение, сладострастие, грех; и папа, всемогущий наследник древних цезарей, в негодовании узнающий, что смертный разделял ложе страшной Лилит, царицы всяческих мерзостей, и отказывающий окаянному в отпущении грехов, тем самым ставя его выше всех людей, создавая из него исключительное существо, грандиозное в своем мрачном величии, трагически прекрасное, подобное павшему ангелу.

Ах!.. Борха восхищался скитальцем-певцом, завидуя его проклятому блаженству. Он был безнадежно влюблен в Венеру-Лилит, которая уже не удостаивало простых смертных своим появлением.

II. Вдова «Короля степей»

Пройдя в несколько мгновений всю прошедшую свою жизнь, Борха в то же время не сводил глаз с аргентинской дамы.

Он восхищался ее красотой еще в доме Бустаменто; но здесь, в отеле, он видел ее близко, без всяких драгоценностей и украшений, которые тогда придавали ее красоте ослепительный блеск. Он еще помнил бриллиантовое ожерелье, возбуждавшее восхищение и зависть других женщин. Теперь на ней было только кольцо из жемчугов на шее, обладавшей, казалось, такой же, как и они, молочной прозрачностью. Платье ее отличалось, элегантною простотой. Клаудио подробно разбирал ее красоту, чтобы объяснить себе обаяние, которое, казалось, окружало ее как бы сиянием. Прежде всего, в ней привлекала внимание белизна кожи, напоминавшая белизну жемчуга, слоновой кости, белизну белых и сквозящих материй, обладающих нежным внутренним блеском. Она не портила кожу притираниями. Несомненно, она посвящала целые часы на поддержание своей красоты, но эту работу скрывала с осторожной ловкостью, – только немножечко краски на губах, очень легкий голубой ореол вокруг век, тонкая черная линия в углах глаз.

Борха понял, что наиболее привлекательным в ней, не говоря о скульптурной соразмерности ее тела, была улыбка, – легкая улыбка, которая бродила на ее губах, и влажный, нежный, сладостный взгляд глаз, с несколько расходящимися веками.

В своем воображении он видел ее, увенчанную фиалками, как Афродиту греческих певцов, когда ее подняли на Олимп, похитив из Средиземного моря, где она только-что родилась из пены морских волн. Клаудио пристально смотрел на ее короткие белокурые волосы, без всякого украшения, очевидно, быстро и небрежно приглаженные перед зеркалом перед тем как сойти в столовую. Но видел он это лишь глазами воображения. Мысленно он созерцал ее в головном уборе богини. Несомненно, она была увенчана фиалками, как Афродита. Он ощущал их благоухание.

Он продолжал говорить с сеньорой Пинеда совершенно машинально. У него была уверенность, что он не сказал ничего нелепого, или неприличного, но он сам не понимал, что означают его слова. Быть может, он описывал свою жизнь в Авиньоне, свои иллюзии, – то, что он собирался изложить в книге, на которой в то время сосредоточил все усилия своей воли. Быть может, он говорил о своих друзьях в Мадриде и о том вечере, когда он познакомился с сеньорой Пинеда. Между тем самое ценное внутри него отвлекалось и сосредоточивалось, чтобы воскресить все свои воспоминания о прошлом этой женщины.

Сеньор Бустаменто много раз говорил в присутствии его о сеньоре де Пинеда, богатой вдове из Буэнос-Айреса. Ей принадлежали громадные стада, которые, казалось, нельзя было сосчитать; множество домов в столице ее страны, и тем не менее ее муж считал себя бедным, когда умирал, так как он до того обладал еще большим богатством.

Розаура Салседо принадлежала к так называемой колониальной аристократии. Семья Салседо была богата в те времена, когда богатством в Америке являлись земельные участки, не имеющие границ и стада почти диких быков, охраняемых такими же дикими «гаучос», когда громадные эти стада давали доход в виде шкур и жиров, годных для вывоза. Мясо же скота шло только на потребу бесчисленных воронов, чудовищно жиревших от нескончаемых пиров в Пампасах.

Аристократические жители Буэнос-Айреса ели фрукты из своих вилл вблизи города. Жили они с патриархальной простотой и вместе с тем в аристократическом обособлении; вступали всегда в браки между собой. Летом они уезжали в свои поместья, где не раз им угрожало вторжение индейцев. Появление парусного судна с известиями из Европы было для них целым событием.

Бустаменто описывал внезапную перемену в этом колониальном мире, бедном деньгами и богатыми продуктами. Эту внезапную революцию совершили: скорострельные ружья, тянутая проволока, пар и холодильный аппарат.

Местные солдаты, продвигаясь внутрь страны, не успев сделать первого выстрела из своих старых ружей, должны были сражаться в рукопашную с индейцами, которые шли на них, пуская в ход свое оружие: камни, тесак. Начинались нескончаемые войны. Но перед скорострельным карабином индеец бежал, признав себя побежденным, и белые могли завладеть бесконечными пространствами пампасов. Это случилось почти в наши дни, после 1870 года.

Владелец окружал свои земельные участки проволокой, и эти его почти незримые заборы создали дороги, принудив скитающегося и вороватого «гаучоса» держаться определенного направления, что в свою очередь утвердило общественный порядок и обеспечило собственность.

Пар привел пароходы под разными флагами в пресные воды Рио де ла Плата. В то же время, благодаря пару, внутрь страны проникла железная дорога. Жители Буэнос-Айреса могли создавать увеселительные парки в местностях, где прежде разъезжали галопом племена воинственных индейцев. Каждый новый приток эмигрантов располагался лагерем все дальше на целый день езды по железной дороге. Появились десятки городов на равнинах. Из бесконечных пространств, населенных уроженцами всех наций, стали притекать к побережью целые потоки ржи и маиса.

Изобретение холодильного аппарата упрочило это благополучие. Скотоводство стало прибыльным не только из-за одной продажи шерсти, шкур и жиру. Мясо сделалось предметом вывоза. И это простое изобретение любознательного француза Клода Толье, умершего в Париже в бедности, создало в Аргентине бесконечное число миллионеров местных и иностранных.

Семья Салседо не воспользовалась этой экономической революцией, оставшись навсегда верной прежнему колониальному быту. К тому времени, когда увеличилась в сто раз ценность стад овец, у них имелось налицо всего несколько земельных участков и очень мало скота. Салседо вмешивались в политическую борьбу страны, побуждаемые к этому романтическим энтузиазмом, и на это тратили большую часть своего состояния. Были они люди бескорыстные, великодушные, несколько фанфаронистые, предрасположенные к войне и приключениям из-за любви к опасностям: все те же качества древних конквистадоров, умиривших в бедности.

Отец Розауры, мужчина красивый и бравый, заботился только о том, чтобы его считали настоящим кабальеро, чтобы сторонники его политической партии восхищались им, а противники боялись его отваги и доблести. Когда Розаура была еще маленькой, отца ее убили на дуэли, – одной из тех ужасающих южно-американских дуэлей на пистолетах, которые неминуемо кончаются смертью. Всегда бывает убит один из дуэлянтов, иногда оба, и только в самых редких случаях оба противника остаются живы.

Розаура, единственная дочь, росла подле матери, дамы, в которой, казалось, возродились энергия и достоинства древних креолок, умевших принимать у себя в салоне и в то же время искусно управлять своим имением, когда мужья участвовали в революциях и гражданских войнах. Она прилагала огромные усилия, чтобы престиж их семьи не упал. Ее считали «бедной, но благородной сеньорой», и новые миллионеры иностранного происхождения добивались ее дружбы, хотя всем было известно, что мать и дочь тайно работали у себя на дому, занимаясь шитьем и вышиванием для некоторых магазинов Буэнос-Айреса, которые в прежние времена считали их в числе лучших своих покупательниц. Эта работа давала им возможность покрывать расходы по дому.

Когда Розауре минуло 18 лет, Пинедо увидел ее в первый раз. Бустаменто восторгался, говоря об этом испанце, описывая его, как конквистадора, опоздавшего родиться на три века.

Он был человек коммерческий, торговал земельными участками в громадных размерах, с той широтой и смелостью, которая мыслима только в Америке.

– Во время одного из его путешествий в Европу, – говорил дон Аристидо с патриотической гордостью, – Пинеда, которого называли «Королем степей», посетил лондонскую биржу и, увидав там аспидную доску, на которой вписывали из различных местностей торговые предложения, написал: «Продается три тысячи квадратных миль земельной собственности». Все подумали, что это шутка. Но наш соотечественник мог располагать еще более обширными земельными участками. Он купил большую часть Парагвайской республики. Все леса, почти девственные, по одну и по другую сторону Верхнего Парана и реки Парагвай, до самых недр Бразилии, принадлежали ему. По аргентинским равнинам железная дорога шла часами и часами среди полей, принадлежавших ему. Пинеда покупал и продавал, покупал и продавал. Он считал потерянным время, когда в течение одного дня не получал громадных сумм одной рукой, чтобы отдать их другой. Нотариус, находившийся на службе у него, работал в его кабинете, занятый писанием купчих крепостей на его покупки или продажи.

– Я все куплю, – говорил он надменно. – Цена для меня не имеет значения; насчет этого мы всегда сойдемся. Единственное, что меня интересует, это – определить время и обусловить плату.

Все банки помогали ему с методической и организаторской смелостью вести эту пляску миллионов. Он покупал оптом сотни квадратных миль, чтобы потом продать, разбив их на мелкие участки. Лучшими его клиентами были эмигранты, высаживавшиеся в Аргентину с желанием работать. Он покупал на бумаге бесконечные территории в глубине Америки, поближе к судоходным рекам, территории, населенные одними тиграми с золотистой шкурой, громадными боа, или небольшими гадюками, свернувшимися в венчиках лесных цветов, и семьями кочующих индейцев со свинцовыми серьгами в ушах, отчего уши их отвисали ниже плеч – несчастными остатками примитивного человечества.

Эти смелые покупки были, как он говорил, деньгами, которые росли для будущего. Со временем коровы и человек явятся на эти участки в поисках новых пастбищ, и он продаст их, увеличив уплаченную им цену в тысячекратном размере.

В эпоху высшего расцвета своего могущества он познакомился с Розаурой. Мать ее посетила «Короля степей» в его конторе.

Не легко было свидеться с Пинеда, но сеньора верила в престиж своего имени. Сверх того, эта дама хранила традиционное тщеславие креолок, привыкших смотреть, как на ниже стоящих на всех тех, кто приезжал селиться в их страну. Всякий, кто не говорил по-испански, считался у них «гринго», – а испанцев, – несмотря на то, что сеньора Салседо гордилась своим испанским происхождением, – она называла «галлегос», как это делали ее предки. Ничего не было странного в том, что «галлегос» Пинеда со всеми своими миллионами поспешил принять у себя в кабинете сеньору вдову де Салседо... Так оно и случилось. Дама нуждалась в совете. Дочери ее принадлежал, как единственное отцовское наследство, участок земли, незначительный по своему размеру в этой стране. Но приобретение Пинедой огромных земель, лежащих непосредственно около ее участка, и возможное проведение там железной дороги давали этой частице земли неожиданную ценность. Можно было получить несколько тысяч «песос», что до известной степени улучшило бы положение семьи. И сеньора пришла к обладателю многих миллионов просить его купить этот участок, или посоветовать, сколько ей просить за него у желающих его приобрести.

Пинеда слушал ее рассеянно, не сводя глаз с Розауры, которая тоже смотрела на него, но лишь с вежливым равнодушием. Молодая девушка сопровождала мать случайно, так как они должны были затем вместе делать визиты. Этот разговор о земельных участках и нескольких тысячах «песос» досаждал ей так же, как и шум в соседних с кабинетом конторах, – треск

пишущих машин, споры между служащими и деревенскими жителями, приехавшими из внутренних областей страны.

Пинеда перестал смотреть на Розауру и обратился к ее матери, обещая немедленно ознакомиться с ее делом, несмотря на множество спешных занятий. Меньше чем через сутки он даст ей ответ и просит разрешения передать его лично сеньоре Салседо у нее на квартире. Он не желает, чтобы две такие дамы утруждали себя посещением его конторы. Миллионеру было тогда 40 лет, и он провел всю свою жизнь в погоне за деньгами не только ради материальных благ, которые они доставляют, но также и ради могущества и власти, которые они дают. У него не было времени наслаждаться утехами настоящей роскоши. До этого времени он не знал иной любви, кроме любви – легко доступной и оплачиваемой. С другой стороны, работа поддерживала в нем вторую молодость, несколько грубую, но сильную.

Настал момент, когда его неслыханное счастье должно было получить признание общества. Если бы он жил в Европе, он, быть может, старался бы приобрести женьбой дворянский титул. Но здесь достойным венцом его карьеры ему казалась женьба на Салседо... И притом эта Розаура, – с ее обольстительной молодостью и походкой богини, высокая, белая, белокурая...

На следующий же день сеньора де Салседо увидела его входящим в ее салон, в перчатках и сюртуке, робко разглядывающего картины и несколько устарелую мебель этой комнаты, которая, как ему казалось, отдает запахом старинных книг. Испанец мог похвалиться, что он удивил сеньору. Она была до того изумлена, услышав, что миллионер обращался к ней за разрешением женься на Розауре, что просила его повторить свое предложение, думая, что плохо поняла его. Наконец, смущенная и взволнованная, она настояла на том, чтобы он дал ей время на ответ. Ей необходимо поговорить с дочерью.

Последняя удивилась меньше, чем мать. Ей, правда, не приходило в голову, что этот деловой человек, серьезный и более чем зрелый, был способен к любовной страсти; но она всегда верила в свою счастливую звезду и ждала, что рано или поздно какой-нибудь миллионер попросит ее руки. Она любила «золото», так как ежечасно видела, с каким трепетным поклонением относятся к нему люди. К тому же она ценила деньги и как дополнение к красоте. Она имела право владеть миллионами.

Быстрее матери согласилась она на предложение испанца и через несколько месяцев вышла за него замуж, узнав сразу все тщеславное удовлетворение, какое дает безграничная роскошь. «Королю степей» Америка казалась слишком ничтожным фоном для великолепия, которым он окружал жену, и, бросив дела, он переехал с нею в Европу. Парижские создатели и фабриканты ценностей, украшающих женщину, увидели на небе мод новое светило, – мадам де-Пинеда.

Молодые страны, обладающие необычайными богатствами, идут вперед большими скачками: растут от грубых сотрясений, как растения, оплодотворяемые свирепыми ветрами.

В Аргентине вскоре наступил один из финансовых параличей, и «Король степей», идущий всегда вперед с закрытыми глазами, доверяясь своей счастливой судьбе, увидел себя, как говорится, «одной ногой над пропастью». Эмиграция в Аргентину уменьшилась; в Европе деньги стали редки из-за несчастной войны на Балканах. Чума уничтожала коров и быков тысячами. Саранча тучей затемняла солнце, пожирая хлебные растения. Семь худых коров после семи жирных, – период нескончаемых бедствий, которые неожиданно наступают во всех странах, отличающихся райским изобилием.

Три года боролся Пинеда с жестокой судьбой. Он задолжал много миллионов туземным банкам. Ими был устроен ликвидационный комитет для администрации и продажи его земель, обширных, как целые государства. Главная забота Пинеды сосредоточилась на том, чтобы Розаура ничего не узнала о критическом положении его дел.

«Король степей» умер внезапно, – без всякой предварительной болезни. Многие считали это тайным самоубийством. Вдова Пинеды (вдова в двадцать пять лет) оглянулась кругом с изумлением, словно проснувшись от розового сна. Никто не улыбался ей и не осыпал ее галантными комплиментами, как раньше.

Ее одиночество увеличилось со смертью матери. Казалось, будто эта бедная сеньора, так гордившаяся блестящим замужеством дочери, захотела последовать за зятем в его поражении. У Розауры оставалось двое детей, сын и дочь. Они были еще такие малютки, что мать при виде их, вместо того, чтобы ободриться, лишь больше впадала в отчаяние и разражалась слезами. «Что станет с ними? Как спасти их? Я ничего не понимаю в этих мужских делах».

Но счастье снова повернулось к ней лицом. Дела пошли опять хорошо: деньги появились в изобилии, и мало-по-помалу вернулась прежняя жизнь.

В одно утро Розаура снова проснулась богатой. Большая часть ее территории была продана банками, долги все уплачены, и, наконец, после целого года споров, прений, собраний, вдова оказалась обладательницей большого состояния. Розаура сохраняла свое место среди миллионеров страны.

Европа и, в особенности, Париж привлекали вдову. Доктора в Буэнос-Айресе знают болезнь, чисто аргентинскую, всегда свирепствовавшую там среди женщин. Врач, после долгих исследований, улыбается и говорит мужу:

– У вашей сеньоры болезнь Парижа.

Так как Розаура не нуждалась в разрешении для этого путешествия, она немедленно уехала во Францию. Бедная родственница сопровождала ее туда, чтобы заботиться там об ее двух малютках.

Розаура опять стала главным украшением маленького американского мирка, говорящего по-испански и живущего в Париже. Она наняла отель вблизи Булонского леса, виллу на Лазурном берегу – для зимних месяцев, а лето делила между Довилем и Биаррицем.

Некоторые испанские ее друзья, с которыми она познакомилась в Биаррице, пробудили в ней желание побывать в Испании. И ее предки и предки Пинеды были родом оттуда. Розаура поехала в Мадрид, где пробыла довольно долго. Дон Аристидес Бустаменто, познакомившийся с богатой вдовой в Биаррице, считал своим патриотическим долгом быть ее гидом по музеям и при экскурсиях в ближайшие исторические города.

Однажды, в более интимном кругу в доме сеньора Бустаменто, Розаура и «кабальеро Тангейзер» впервые встретились друг с другом. А теперь, по прошествии двух лет, неожиданно снова увиделись в отеле в Авиньоне.

Борха напрягал память, чтобы вспомнить все, слышанное им урывками о жизни этой женщины. Кто-то двусмысленно улыбнулся, говоря о ней и о некоем Урданета, тоже американце, живущем почти всегда в Париже. Но больше он ничего не мог вспомнить.

Розаура говорила с ним и спрашивала, почему он так рассеян. Дама желала знать, как ему пришлось в голову написать книгу: поэму в прозе о доне Педро де-Луна, – испанском папе в Авиньоне.

Борха пришлось рассказать, как еще в детстве, живя в Валенсии с дядей Фигуэрос, он восхищался портретом папы Калликста III. Фамилия его тоже была Борха. Старая служанка каноника говорила ребенку, что человек может добиться всего, если сосредоточит все свои силы на одном желании. Папа, изображенный на овальной картине, повторял с самого своего детства: «Я буду папой, я буду папой», и стал им. Он же открыл дорогу к папскому престолу одному из своих племянников, Родриго де-Борха, известному впоследствии под именем папы Александра VI (третий испанский папа), отцу многочисленного семейства, который итальянизировал свою фамилию, превратив ее в Борджиа.

Вдова Пинеды слушала Клаудио с интересом. Правда, в парижском салоне ее отеля или на террасе виллы эти же рассуждения показались бы ей скучными. Он говорил, что его иссле-

дования о первом Борджиа натолкнули его на дона Педро де-Луна, колосса, высеченного в глыбе горы.

– Мне стыдно, – заявила Розаура, – что я совсем не знаю Авиньона, после того, как столько раз была в нем. К тому же этот папа, которым вы так восхищаетесь, начинает интересоваться и меня. Мне всегда нравились люди с сильным характером, с сильной волей, которые знают, чего они хотят, и умеют хотеть.

Она обещала пойти на другой день утром с Борха осматривать дворец-крепость Авиньонских пап. Быть может, в тот же вечер она уедет. А может быть, продолжит свой отдых в Авиньоне еще на два или три дня.

Ей нечего делать на Лазурном берегу; никто ее не ждет. Настала весна, и люди, которые провели там зиму, уже уехали далеко. Борха робко высказал сомнение, которое уже давно смущало его:

– Кажется странным, что такая сеньора, как вы, едете на Лазурный берег, когда все люди вашего круга давно уехали оттуда. Только важная и неотложная причина...

Розаура посмотрела на него, будто хотела выведать его мысль. И затем сказала с деланной простотой:

– Я хотела забыть жизнь в Париже, не видеть людей, проводить дни, не думая ни о чем, любясь Средиземным морем.

И, не замечая противоречия между этим заявлением и следующей фразой, добавила:

– Я была в Париже чересчур одинока и скучала.

III. Великий Вавилонский плен

Следуя указаниям своего спутника, Розаура несколько откинула голову назад, чтобы одним взглядом охватить всю высоту громадного дворца-крепости авиньонских пап. Солнце и воздух красили в нежный пурпур его стены, башни и колонны.

– Это цвет Авиньона, – сказал Борха, – цвет его храмов, стен и мостов, всего, что в этой местности было построено из камня. Кажется, будто он – эмблема нескончаемого заката солнца; он напоминает оттенки осенней листвы.

– Часто, бывая в Авиньоне, – сказала Розаура, – у меня возникал один и тот же вопрос: «Почему папы жили в Авиньоне?» Вы, наверное, смеетесь над моим невежеством, друг Борха?

В ответ Клаудио сказал, что многие ставят тот же вопрос, говоря об Авиньоне, и лишь немногие знают причину этого исторического факта.

– Мир не был таким, каков он теперь, – продолжал Клаудио. – Франция не существовала тогда в настоящем своем виде; не существовала также и Испания. А что касается Италии, то она состояла из целого ряда маленьких морских государств, находившихся в непрерывном кипении. Приоры и феодальные бароны жили доходом постоянных грабежей и непрерывных войн. Город Рим был одним из самых небезопасных мест в мире. На его улицах почти ежедневно сражались банды Орсини и Колонна, – семей, вечно споривших за обладание древним городом, величественным, как кладбище, почти безлюдным, в котором было больше развалин, чем целых зданий. Иногда эти две соперничающие стороны временно входили в соглашение, чтобы нанести удар третьему лицу, а именно папе. Один из Колонна, жестоко преследуемый папой Бонифацием, оскорбил его и даже дал ему пощечину своей стальной рукавицей. Вследствие этого папа умер от гнева и стыда. Пришлось выбирать ему преемника среди итальянской анархии. Кардиналы избрали француза, архиепископа Бурдебса. Это и был первый из авиньонских пап; он принял имя Климента V и считал Авиньон только временным своим пребыванием. Авиньон принадлежал церкви. Сначала он был собственностью королевы Хуаны, женщины элегантной и грациозной на словах и в движениях, но отличавшейся самыми развратными нравами, встречающимися в истории этих веков. Она была замужем за Андреем Венгерским, убитым одним из ее любовников. Луис, венгерский король, пошел войной против Хуаны, чтобы отомстить за смерть брата и в то же время завладеть Неаполем. Хуана, которая одновременно была и графиней Прованса, бежала туда, как бы прибегая к духовному покровительству пап, поселившихся в ее городе Авиньоне. Неаполитанцы просили ее вернуться, раздраженные невоздержанностью вторгнувшегося к ним Луиса. И так как ей нужны были деньги для набора солдат и найма галер в Марсели, Хуана продала папам Авиньон за восемьдесят тысяч флоринов, – т. е. за сумму, которая равнялась бы в настоящее время четырем миллионам франков золотом.

В Авиньоне, с его утопающими в зелени окрестностями, приятно жить только тогда, когда не дует мистраль. Но бедствием, похуже мистраля, была чума, несколько раз появлявшаяся в XIV веке. Город «Трех ключей» (небо, земля и вода) опять начинал свое шумное существование, едва отдалялась опасность чумы.

Множество политических изгнанников, искавших справедливости, жили в окрестностях Авиньона. Сыном одним из этих эмигрантов был Петрарка, воспоминания о котором встречаются здесь на каждом шагу: во дворце, на улицах Авиньона, у знаменитого фонтана Воклюз.

Когда был выбран четвертый авиньонский папа Климент VI, которого прозвали папой-Трубадуром, делегация римского народа явилась в Авиньон приветствовать его. Петрарка присоединился к ней и вследствие этого сдружился с одним из делегатов, юношей с пылким красноречием, сильной фантазией и безграничной смелостью, по имени Кола ди-Риенци, сыном трактирщика.

Один из кардиналов, поселившихся в Авиньоне, испанец Карельо де-Альборнос, в молодости бывший военным, обещал папам вернуть все их земные владения, что и исполнил, собрав войско в Италии и встав во главе его. Талантливый военачальник и политик – он продолжал войну и завоевал и захватил все города, принадлежавшие некогда папам. Но эти завоевания лишь усилили приток жалоб и петиций итальянцев. Римский народ раскаивался в своих восстаниях, которые изгнали из Рима пап, и возмущенный тем, что деньги паломников получает другой город, настаивал на своей петиции, на том, чтобы папа покинул берега Роны и возвратился на берега Тибра.

Самым властным и красноречивым апостолом этой пропаганды был человек, живший при папском дворе. Имя его Петрарка.

Кардиналы, ведущие роскошную жизнь, и папские чиновники, обладавшие веселым нравом, считали его своим другом. Это не мешало ему писать против взяточничества и распутства пап в Авиньоне, словно жизнь пап, находившихся в Риме, была более достойной.

Петрарка привел в восторг своих соотечественников тем, что назвал время пребывания пап в Авиньоне «Великим Вавилонским пленением».

IV. Папский замок

Медленно собиралась группа любопытных, приехавших из разных частей света, для посещения древней резиденции пап. Красивая креолка узнала на площади многих живущих в отеле, которых видела накануне вечером. Вскоре затем вошло несколько молодых североамериканцев, быть может, студентов, совершающих экскурсию по Европе; несколько французских парочек, восхищавшихся из патриотического тщеславия громадными размерами этого замка, прославленного провансальскими поэтами; два протестантских пастора, один джентльмен-атлет и итальянский кюре, худой, с острым носом, профиль которого, по словам Борха, напоминал профиль Данте, но только в кривом зеркале.

– Вы увидите, дорогая сеньора, нечто столь же заслуживающее внимания, как и древнее жилище пап, – гида, который показывает его.

И он указал на человека в черном с красной каймой кепи и с палочкой в правой руке.

Розаура узнала его. Это был тот самый гид, который водил ее во время неоконченного ею посещения дворца. Докучливая болтовня гида и была причиной того, что она недослушала его и ушла.

– Но он незаменимый человек, – протестовал Клаудио, улыбаясь. – Часто мы судим о людях по расположению нашего духа. Быть может, сегодня его присутствие покажется вам приятным.

Борха издали поклонился gidу, который ответил ему, сняв кепи и устремив глаза на элегантную даму, сопровождавшую испанца.

– Слушайте его внимательно, – сказал Борха. – Это поэт, несколько сбитый с пути и мало образованный, но, несомненно, в своем роде поэт. Его отец был скромный «фелибр» из последователей Мистралья. Вы знаете, что «фелибр» – название провансальских поэтов. Сын, выполняя свою миссию, сумел быть говорящей душой этих камней. Я приходил несколько раз только для того, чтобы послушать его.

Когда гид увидел, что посетители перестали покупать фотографии и карточки, он встал со своего места и лениво потянулся.

– Сеньоры, сюда! Идите сюда!

Он весь преобразился. Два раза утром и два раза вечером водил он иностранцев по дворам, лестницам и салонам, показывая им этот замок, бывший для него чем-то вроде Провансальского Парфенона. Он знал на память все, что следовало сказать в каждом углу и перед каждым камнем. Но иногда, среди механических объяснений, его охватывало непреодолимое желание импровизировать, и он расписывал внезапными красками своего воображения бледное и монотонное полотно, которое он развешивал перед публикой.

Посреди двора гид, окруженный слушателями, приступил к обычной своей декламации. Между прочим он сообщил, что именно последний папа Авиньонский уничтожил стену, окружавшую замок и защищавшую его на случай осады. Ему же Авиньон обязан большой открытой площадью перед главным фасадом замка.

– Назову вам, сеньоры, этого папу: Бенедикт XIII, великий папа Луна, соотечественник некоторых из лиц, присутствующих здесь.

И он поклонился, устремив глаза на Розауру и Клаудио. Вся группа путешественников тоже взглянула на них, и оба они были немного смущены общим любопытством. Затем «фелибр» стал описывать всю красоту «своего дворца»: «самый красивый в мире исторический памятник».

– Лазурное небо, чистый воздух, величественная симфония мистралья, и на ряду со всем этим золотистый цвет камней, цвет которых, по словам трубадууров, придает своим отблеском новый огонь взорам дам. Как говорит Петрарка...

Борха ждал последних слов и дотронулся до рукава Розауры. Он предупреждал ее о постоянных ссылаках гида на Петрарку. Все свои объяснения и описания он подкреплял стихами Петрарки, но такими стихами, которых поэт никогда не писал или которые были переведены настолько плохо, что были недостойны имени автора.

Пройдя по разным залам дворца, туристы очутились в «gran Capella», самой большой комнате во всем этаже. Розаура и Клаудио рассматривали картины и портреты. Однако им пришлось прервать этот осмотр. В огромной комнате вдруг зазвучал гимн, казавшийся сверхчеловеческим хором. В действительности же звучал лишь один единственный голос, но от различных отголосков камня в углах возникали все новые и новые голоса, они сливались, создавая нежное, неопределенное созвучие, по своему строению напоминавшее разные ветки одного дерева, которые разбрасываются и умножаются, но имеют одно и то же происхождение: общий ствол. И стволом этого пения был голос самого «фелибра», небольшой тенор, звучность которого ширилась, повторяясь в разных тонах, как-будто звук его катился по бесконечному горизонту.

Североамериканец, человек большого роста, с бритым лицом, улыбнулся, устремив на певца восхищенный и покровительственный взгляд. «Трубадур, настоящий трубадур», – говорил он стоявшим близ него. И, вынув из кармана необыкновенно толстый кожаный портсигар с полдюжиной гаванских сигар, он предложил одну из них гиду.

– Благодарю, джентльмен, но курить сигару я буду только поздно вечером. Теперь это могло бы испортить мне голос.

И он продолжал распевать свои провансальские строфы с энтузиазмом южанина. Когда замолкли последние отзвуки, он поклонился, благодаря за несколько иронические аплодисменты присутствующих.

Некоторые из них хвалили его пение и вечно веселое расположение духа.

– Дело в том, что я идеалист, – сказал он степенно. – Я не завидую ни Ротшильду, ни Рокфеллеру; я смеюсь над миллионерами. Они живут не так весело, как я. Они не идеалисты.

И гид продолжал объяснять и указывать на разные подробности замка и его окрестностей. Между прочим, упомянул о местечке Мальяно, и находившейся рядом с ним дачке, в которой жил Мистраль. И славное имя поэта придало ему новую смелость. Гид возвысил голос, и в глазах его загорелся необычайный блеск.

– Здесь, – сказал он, – среди оливковых деревьев раздается пение соловьев, здесь слышен хор кузнечиков, под тимьяном и розмарином, этими лесными кадилъницами уединения; видно могучее паренье птиц и волнообразный изящный полет пурпурных и золотых бабочек, слышно ласковое воркование горлиц и серенады гитар перед провансальскими дворцами, камни которых как бы поют.

И, придя в восторг от собственных слов, он приложил свою палочку к груди, как-будто она была лютней, и провел по незримым струнам пальцами правой руки.

– О, трубадур, трубадур! – снова вздохнул у него за спиной североамериканец.

Толпа посетителей двинулась по коридорам мимо разных комнат и очутилась вскоре в зале с белыми стенами, украшенными портретами.

– Сеньоры, – указал гид, – это все авиньонские папы. Семеро из них правили церковью, не возбуждая никаких споров. Только восьмому и девятому подчинился не весь христианский мир, а лишь часть его. И хотя о них много спорили, все же они были такими же полномочными папами, как и остальные.

Гид был провансалец, и хотя он избегал вмешиваться в религиозные споры, но никогда не согласился бы выразить сомнение относительно законности Авиньонских пап, особенно же последнего папы Бенедикта XIII, – великого папы Луна, после того, как Мистраль воспел его в одной из своих поэм.

Когда кончился обход дворца, Розаура и Клаудио последовали за остальными посетителями. Всем казалось, что они уже достаточно насмотрелись. Около выхода из дворца стоял сын «фелибра», кланяясь выходящим на улицу; в правой руке он держал кепи. Каждый посетитель, проходя мимо него, бросал франк или два франка в его шапку, и «трубадур» благодарно улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.